

*В.Н. Порус, Ж.К. Загидуллин,
Н.И. Кузнецова, В.А. Лекторский*

Нуждается ли эпистемология и философия науки в обращении к эмпирическим фактам? Дискуссия

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, руководитель проекта, исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2; e-mail: vporus@hse.ru

Загидуллин Жан Каримович – кандидат философских наук, ассоциированный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: autist2000@mail.ru

Кузнецова Наталья Ивановна – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Российская Федерация, 125315, г. Москва, ул. Балтийская, д. 14; e-mail: car-car@inbox.ru

Лекторский Владислав Александрович – доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: v.a.lektorski@gmail.com

Участники дискуссии об эпистемологии и обращении к эмпирическим фактам В.Н. Порус, Н.И. Кузнецова, Ж.К. Загидуллин, В.А. Лекторский комментируют позиции друг друга, указывая на сильные и слабые моменты в их обосновании, соглашаясь по ряду вопросов, обозначая принципиальные для своих позиций тезисы и аргументы, нащупывая перспективы для дальнейшего развития обсуждаемой проблематики. В ходе дискуссии поднимаются темы, связанные с перспективами развития современной эпистемологии и философии науки, с ролью эмпирических фактов и эмпирии в понимании современного научного познания, проблема развития инструментария и понятийного аппарата эпистемолога, нормативная и дескриптивная установки в эпистемологии и то, как они помогают или мешают вести диалог философа и ученых.

Ключевые слова: эпистемология, философия науки, теория социальных эстафет, знание, эмпирические факты, нормативная установка, дескриптивная установка, субъектность

Порус В.Н. Современная эпистемология, замечу *Ж. Загидуллину*, критически относится к стереотипам восприятия любой науки, в том числе, психологии. То, что критерии научности в психологии могут быть иными, нежели в физике или астрономии, не является предметом непримиримых разногласий [Порус, 2008]. Я не думаю, что психология должна оправдывать свой научный статус «перед лицом философии». Если в практику исследований психолога вклинится что-то ненаучное, это будет признано самими же психологами. Следствием такого вклинивания стала бы ошибочность исследования, а не конфликт с философией.

И. Лакатос точно заметил, что история науки является пробным камнем для философии науки (добавим, и для эпистемологии тоже). Однако это не превращает эпистемологию в подобие индуктивной науки. Здесь уместно вспомнить и другой афоризм Лакатоса: философия науки без истории науки пуста, история науки без философии науки слепа. В этом отношении теория социальных эстафет М.А. Розова – попытка описания научной рациональности, выводящая из тупика противопоставления нормативной философии науки и эмпирико-исторического представления о научной практике. Она переключается с концепцией «коммуникативной рациональности» Ю. Хабермаса в том смысле, что обе эти концепции рассматривают научную рациональность как то, что не предшествует научной коммуникации, а рождается в ней.

Соглашаясь с *В.А. Лекторским*, замечу, что различные программы «натурализации» эпистемологии содержат «порочный круг»: принципы эпистемологии подвергаются переосмыслению и трансформации в терминах научных концепций, принципы которых, в свою очередь, ищут оправдания и обоснования в эпистемологии. Этого круга не замечают или избегают, ссылаясь на непрерывное развитие науки, ищущей новые пути «онаучивания» философских дискурсов. Иногда это вводит в заблуждение не только ученых, но и философов, испытывающих комплекс неполноценности относительно своих занятий. Если же в идее «натурализации» видеть основу диалога между философами и учеными, то от него следует ждать важных результатов.

Концепция М.А. Розова, как я ее понимаю, это программа такого диалога. Его терминология («эпистемология как эмпирическая наука») не должна вводить в заблуждение. Не думаю, что М.А. Розов обосновывал идею «сциентизации» эпистемологии. Различие между философской теорией научной рациональности и рациональной научной теорией он, вне сомнения, понимал отчетливо.

Н.И. Кузнецова детализирует и разрабатывает концепцию М.А. Розова. Ее разъяснения важны артикулированной связью с контекстом современных философско-научных и эпистемологических исследований. Мне импонирует вывод, что проблема связи эмпирического и теоретического в эпистемологии не может быть решена без выхода в область исторической (или, лучше сказать,

культурно-исторической) эпистемологии. Как именно возможен этот выход и чего стоит от него ожидать, – тема дальнейших исследований. Они давно идут; я принял в них посильное участие, высказав гипотезу, что именно в культурно-исторической эпистемологии намечается сдвиг к необходимой реформе современной философии познания [Порус, 2021]. Связь этой гипотезы с идеями М.А. Розова для меня очевидна.

Кузнецова Н.И. Мне кажется, что *В.Н. Порус* не понял смыслового контекста, в котором *Ж.К. Загидуллин* приводил пример о «возмущении» оценкой Кантом статуса психологии. Речь о том, что психология (как и любая научная отрасль) может и должна в «беседах» с философами корректировать свои метафизические основания, искать методы исследования, оттачивать теоретический инструментарий. Все это постоянно происходило и происходит. Суть в том, что именно понимание науки как «системы с рефлексией» (по Розову) позволяет адекватно относиться к роли философа в качестве важнейшего «собеседника» практически для любой сферы научной деятельности и социальной практики в целом. *Ж.К. Загидуллин* показывал, что научную рефлексию, во-первых, можно изучать; во-вторых, с ней можно философски работать и влиять на развитие научных дисциплин. Я полностью согласна с позицией автора (что неудивительно, поскольку мы единомышленники).

Что касается основного тезиса статьи *В.Н. Поруса*, то я отношусь к нему скептически. Несомненно, философия науки может рассматривать любые проекты и потенциальные векторы развития науки, в том числе и поставить вопрос о необходимости ее политической субъектности. Перефразируя известный анекдот, скажем так: «может-то она может, да кто ж ей даст?» Поэтому вопрос о политической субъектности науки анализируется, как указывает автор, в «модусе долженствования». Сомнительным мне представляется именно такой модус. Слишком разные роли – «быть политиком» и «быть исследователем». Целая пропасть отделяет задачи, мотивы и ценностные установки двух позиций. И Розов, и Фейерабанд, в частности, отмечали, что не следует путать вопросы «что делать?» и «что происходит?». Какой такой долг может заставить науку сознательно смешивать эти позиции? Научное сообщество можно подтолкнуть к политическим действиям, но науку в целом – нет. И это – Благо.

Насыщенно содержательный историко-философский очерк *В.А. Лекторского* заставил подумать о философских предшественниках теории социальных эстафет. Для меня очевидно, что Розов был последовательным кантианцем, хотя и на современный манер. Отмечу только три момента. Первое: Кант покончил с «гносеологической Робинзонадой», отныне никакая апелляция к любознательному индивиду, который «знает, что *p*», не пройдет. Второе: Розов с пониманием относился к понятию «трансцендентального субъекта», хотя никогда не использовал его в своих эпистемологических разработках. В трактовке Розова это выглядит так: в производстве знания участвует весь социум – вот кто истинный «автор» познания. Социокультурная практика рефлексивно симметрична накопленному на данный момент знанию, т.е. изоморфна познанию. Третье: *Лекторский* вспоминает Платона, который говорит, что знание есть тогда, когда утверждение является истинным и обоснованным.

Но там, где, кажется, дан «финальный» ответ, скрывается вопрос кантовского образца: *как возможно, что некое утверждение оказалось истинным и обоснованным?* Теория социальных эстафет прослеживает, как вообще возникает и реализуется такая возможность [Розов, 2012].

Загидуллин Ж.К. В размышлениях *В.Н. Поруса*, к сожалению, не удалось увидеть прямого ответа на поставленный в названии вопрос – «Выводится ли политическая субъектность науки из фактов?». В самом деле, можно ли вообще усмотреть чью-либо субъектность из анализа фактов? Можно, говорят историки, если начать изучать целеполагание и самоопределение участников исторических событий. Это сложная и кропотливая в методологическом плане исследовательская работа. Можем ли мы из изучения фактов вывести нормативные требования к чьей-либо субъектности? Вероятно, можем обосновать (а не вывести) таковые требования, но для этого цели и задачи такого «изучателя» фактов должны быть четко определены: зачем, ради чего необходима эта субъектность. Иными словами, это можно делать из позиции практика, а отнюдь не из позиции незаинтересованного исследователя. Трудности понимания *В.Н. Поруса*, нам кажется, связаны именно с отсутствием ясности относительно целей той позиции, из которой он задает свой вопрос.

Соглашаясь в целом с реконструкцией *В.А. Лекторского* исторической динамики представлений о роли и статусе философских построений в исследовании научного познания, не могу не высказать несогласие с основным тезисом о диалоге нормативной эпистемологии и когнитивной науки. О каком диалоге может идти речь, если одна из сторон точно знает «как надо»?! Ведь это не диалог, а жесткая **нормировка** чужого мышления, в ней нет признаков взаимопонимающей коммуникации (диалога). Именно эту нормативистскую установку сам *В.А. Лекторский* неоднократно критиковал в действиях отечественного философа и методолога Г.П. Щедровицкого. Именно в противопоставлении нормативным установкам М.А. Розов осознанно пришел к проекту философского изучения научного познания как своего рода «естественного образования», изучать и препарировать которое следует в духе эмпирических наук, а техники анализа систем с рефлексией помогут обезопасить эту работу от ловушек ассимиляции учеными нормативных представлений из философии и методологии науки. Между тем, за рассуждениями о статусе философского знания о познании *В.А. Лекторский* не описывает то, как именно эпистемолог получает свои представления, опирается ли он на анализ эмпирических фактов эпистемологии, есть ли в эпистемологии свои эмпирические факты (отличные от фактов и открытий конкретных наук) и каково их значение для эпистемологии? Мы попытались показать, что осознанный отказ от нормативной установки, поиск своей эмпирии, эмпирическая проверка философских построений и позволяют эпистемологии увидеть научное познание в его исторической динамике. Как известно, выдающийся отечественный философ Э.В. Ильенков много времени и сил отдал эмпирической проверке собственных философских концептов в рамках Загорского эксперимента. Подобно ему М.А. Розов считал принципиальным в работе философа – не терять связь с исторической реальностью развития человеческого познания.

В этом контексте нам представляется важнейшей мысль *Н.И. Кузнецовой* о том, что именно онтологическая модель знания позволяет эпистемологу не терять связь с реальностью научного познания. Со времен Платона практики познания и мышления неизмеримо усложнились и инструментализировались настолько, что платоновское понятие знания вообще не позволяет увидеть в современном познании что-либо осмысленное, равно как устарело представление о том, что знание и мышление есть феномены индивидуального сознания. Пафос эмпирической эпистемологии состоит в том, что эпистемологии необходимо обновление своих оснований, дабы стать адекватной и способной понять современные познавательные практики. Розовская модель знания и науки, волновая онтология гуманитарного познания и техники анализа систем с рефлексией – и есть проект такого обновления эпистемологии.

Лекторский В.А. Ж.К. Загидуллин демонстрирует плодотворность теории социальных эстафет М.А. Розова для понимания развития научного знания на примере такой науки, как психология. При этом *Ж.К. Загидуллин* сетует на то, что философия систематически, начиная с Канта, не понимала психологию, отказывая ей в статусе научности и создавая у последней комплекс неполноценности. Я думаю, что в действительности проблема взаимоотношений философии и психологии имеет иной характер. Именно философия прекрасно поняла особенность психологии, отличающую ее от других научных дисциплин: использование знаний «от первого лица» – метод интроспекции. И философия обратила внимание на невозможность науки только «от первого лица», без корреляции субъективных данных с фактами «от третьего лица», будут ли последние получены на основании исследования поведения или изучения работы мозга. Между прочим, интроспективная психология конца XIX – начала XX в. понималась ее представителями как «физиологическая психология», а ее классики (В. Вундт, У. Джеймс и др.) не только не противопоставляли себя философии, а сами были выдающимися философами. Замечу также, что проблема взаимоотношения субъективно переживаемых ментальных состояний (т.н. квалиа) и данных когнитивной нейронауки сегодня одна из самых остро обсуждаемых в когнитивной науке и философии сознания. А то или иное решение этой проблемы определяет статус психологии.

Н.И. Кузнецова справедливо подчёркивает, что успешный анализ эмпирического материала истории познания, столь необходимый сегодня для работы в области эпистемологии и философии науки, предполагает использование концептуального представления научной деятельности. В качестве последнего успешно может применяться теория социальных эстафет. Соглашаясь в этом с *Н.И. Кузнецовой*, сделаю несколько замечаний относительно понимания социальной природы знания. Я считаю, что знание не обязательно должно иметь социальный характер и существовать в объективированной форме. Значительная часть знаний касается лично того или иного человека. Это и знания о том, что индивид воспринимает в данный момент, что он переживает, что он вспомнил. Многие знания вообще не осознаются, в этом случае нет знания того, что человек знает нечто. Современная когнитивная наука как раз исходит из идеи о существовании когнитивного бессознательного. Неявное знание тоже имеет личностный характер (как подчёркивал автор понятия неявного

знания М. Полани) и передается другому лишь в процессе межличностной коммуникации. Знание есть и у ребенка, еще не овладевшего языком (а некоторые знания являются даже врожденными), и даже у животных. Конечно, индивидуальные знания переходят в индивидуальную память, а социальные – в социальную. Но любая память существует в двойном виде: память о способах понимания мира и взаимоотношении людей, технологические знания, научные знания, и воспоминания о прошлых событиях, касающихся того или иного лица или коллектива. Одни воспоминания лежат в основе индивидуальной идентичности, другие – в основе коллективной. Если соотносить это с попперовской теорией трех миров, то индивидуальная память войдет во второй мир, а социальная – в третий. Это значит, что в схеме Поппера для социальной памяти не требуется особого места.

В тексте *В.Н. Поруса* есть ряд интересных наблюдений. Но я хочу поспорить с ним относительно того, что современная наука потеряла общность целей и норм, что ее представители разобщены и преследуют собственные интересы. В действительности любая деятельность имеет определенную цель и способы ее осуществления. Последние выражают нормы деятельности. Если последняя соответствует нормам, она оценивается как хорошая, т.е. реализующая цель. Если же не соответствует, то это плохая деятельность, так в этом случае не достигается цель, ради которой деятельность существует. Наука – специальная деятельность по получению знания. Это ее единственная цель и единственный интерес. Нормы научного познания – средства достижения этой цели. Такое понимание науки – не отживший миф. Это то, что предполагается самым смыслом научного познания. Другое дело, что знания могут быть разными, что они могут использоваться во благо или во вред человеку, что степень связи научных знаний с технологическими разработками может быть различной и исторически меняющейся. Но пока существует научное познание, оно не может не исходить из этих норм. В противном случае мы будем иметь дело не с наукой, а с чем-то другим. Таким образом, нужно различать нормы и эмпирическое положение вещей, т.е. поведение тех или иных ученых. Если это поведение отклоняется от норм, его нужно приводить в соответствие с нормами. Для эпистемологии важен анализ эмпирических фактов. Но без нормативного измерения она невозможна.

Список литературы

Порус, 2008 – *Порус В.Н.* Как объяснять? Знак развилки на пути психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 88–97.

Порус, 2021 – *Порус В.Н.* Историческая эпистемология – триггер реформы философии познания // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 47–57.

Розов, 2012 – *Розов М.А.* Проблема истины в свете теории социальных эстафет // *Розов М.А.* Философия науки в новом видении. М.: Новый хронограф, 2012. С. 207–248.

Should epistemology and philosophy of science turn to empirical facts? Discussion

Vladimir N. Porus

Interregional public organization "Russian Society of History and Philosophy of Science". 1/36, bldg. 2 Lyalin pereulok, Moscow, 105062, Russian Federation; e-mail: vnporus@hse.ru

Zhan K. Zagidullin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: autist2000@mail.ru

Nataliya I. Kuznetsova

Institute for the History of Natural Science and Technology, Russian Academy of Sciences. 14 Baltiyskaya Str., Moscow, 125315, Russian Federation; e-mail cap-cap@inbox.ru

Vladislav A. Lektorsky

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: v.a.lektorski@gmail.com

Participants in the discussion about the empiricism of modern epistemology Vladimir N. Porus, Nataliya I. Kuznetsova, Zhan K. Zagidullin, Vladislav A. Lektorsky comment on each other's positions, pointing out the strong and weak points in their justification, agreeing on a number of issues, designating the theses and arguments that are fundamental for their positions, groping for prospects for the further development of the discussed issues. The discussion raises topics related to the prospects for the development of modern epistemology and philosophy of science, with the role of empirical facts and empirics in researching modern scientific knowledge, the problem of the development of the tools and conceptual apparatus of the epistemologist, normative and descriptive attitudes in epistemology and how they help or hinder leading dialogue between philosophers and scientists.

Keywords: epistemology, philosophy of science, theory of social relay races, knowledge, empirical facts, normative attitude, descriptive attitude, subjectivity

References

Porus, V.N. "Kak ob'yasnyat'? Znak razvilki na puti psikhologii" [How to explain? A sign of fork on psychology's way], *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 2008, vol. 3, iss. 1, pp. 88–97. (In Russian)

Porus, V.N. "Istoricheskaya epistemologiya – trigger reformy filosofii poznaniya" [Historical epistemology – a trigger for the philosophy of knowledge reform], *Voprosy filosofii*, 2021, no. 5, pp. 47–57. (In Russian)

Rozov, M.A. "Problema istiny v svete teorii sotsial'nykh estafet" [Problem of truth in the light of the theory of the social relay races], in: Rozov, M.A. *Filosofiya nauki v novom videnii* [Philosophy of science: a new vision]. M.: Novyi khronograf Publ., 2012, pp. 207–248. (In Russian)